

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ЦЕРКОВЬ
И ГОСУДАРСТВО

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 23

КАК ПОША БИРЮКОВ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ СОГРЕШУЛ, и черновой отрывок стал "новой статьёй гения".

Несмотря на стотридцатипятилетний срок, отделяющий нас от времени создания Львом Николаевичем представленной в данном сборнике его статьи, актуальность высказанных в ней идей только возрастает. Почувывая поддержку правительства и эксплуататоров народа в путинской России, т.н. "православная" церковь, одна из "исторических" АЖЕхристианских церквей, примазавшихся к образу и извращённому ими учению Христа, проводит вновь активную идеологическую политику, экспансионистскую в отношении светских науки и образования и пропагандистскую в отношении как детей православных и неверующих родителей, так и самих этих неверующих, равно как и представителей иных вероисповеданий. "Религиозной оболочкой" мнимого христианства прикрываются и рационализируются, оправдываются как многие преступления путинского режима, так и предрассудки и фобии рядовых обитателей России: например, ненависть(к внутренним и иностранным "врагам", политической оппозиции, к педерастам, терророристам и др.), наконец, поведение самих представителей "православия"...

Истоки этого положения и анализирует Лев Николаевич в статье "Церковь и государство" (1879) и ряде других своих прекрасных, остро-нецензурных работ, таких как статья-обращение "К духовенству" (1902) или статья 1907 года "Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении".

Об обстоятельствах, при которых эта статья стала, собственно говоря, статьёй и получила распространение, подробно рассказал один из "виновников" всего этого, Павел Иванович Бирюков (1860 - 1931, семейная кличка в доме Толстых - "Поша").

Поша известен, главным образом, как единомышленник Льва Николаевича и участник его просветительского проекта -- народного книгоиздательства "Посредник", а также как автор фундаментальнейшей и подробной Биографии Толстого. Благодаря ближайшему, доброму и замечательному другу Толстого Владимиру Григорьевичу Черткову он в 1884 году познакомился с Толстым и стал частым гостем и любимцем дома.

В одно из своих посещений Ясной Поляны, в 1885 или 1886 г., он раз уединился в кабинете Толстого и стал перебирать книги, лежавшие у того на полках.

«На нижних полках под книгами лежали рукописи. -- рассказывал много позднее Поша. - Я запустил туда руку и вытащил несколько тетрадей... Порывшись ещё немного, я вытащил одну тетрадь, представлявшую нечто цельное, это было несколько листов бумаги большого формата, мелко исписанных почерком не Льва Николаевича, и сверху была белая, в обыкновенный лист писчей бумаги, обложка, и на ней надпись: «Церковь и государство». Название заинтересовало меня; я присел к столу и стал читать. Я прочёл всю статью залпом и пришёл в восторг. Она начиналась так: «Было разбойничье гнездо в Риме — это двор Константина»; затем в этой статье цари

назывались разбойниками, а попы — обманщиками. Это вполне соответствовало моему тогдашнему настроению. Я немедленно же принялся переписывать, и скоро копия была готова.

В кабинет зашёл Лев Николаевич и спросил, что я делаю; я указал ему на рукопись и сказал, что мне она очень понравилась. Он посмотрел и равнодушным тоном, как о деле его мало интересующем, сказал: «Ах, это сочинение Александра Петровича». Это меня озадачило, и я стал добиваться разъяснения. Оказалось, что это Лев Николаевич сказал шутя, это были его черновые наброски, Александр Петрович Иванов, переписчик, переписал их и сам дал заглавие: «Церковь и государство»; поэтому Лев Николаевич и назвал это сочинением Александра Петровича.

Эта статья представляет неоконченный вариант, вероятно, времени писания «Критики догматического богословия», и была брошена Львом Николаевичем без внимания. Хотя статья была уже переписана мною, я всё-таки попросил у Льва Николаевича позволения увезти с собой копию, на что он охотно согласился, не придавая никакого значения как самой статье, так и копированию её.

Я увёз с собой копию, а самую статью положил на прежнее место и не знаю, где она теперь находится. Копию я привёз в Петербург, в «Посредник». Нас посещали студенты из разных революционных кружков. Одним из них был студент Василий Васильевич Водовозов. Он усердно занимался в университете литографированием лекций. Я думаю, что это занятие его привлекало главным образом тем, что этим путём ему удавалось литографировать запрещённые революционные сочинения. Так как новые религиозно-философские произведения Льва Николаевича были запрещены, то он занялся изданием и этих произведений, хотя и не был согласен с ними. Таким образом, он издал «Исповедь», «Краткое Евангелие», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?». Я снабжал его оригиналами, получая их от Владимира Григорьевича Черткова.

Когда Василий Васильевич зашёл ко мне по моём возвращении из Ясной, чтобы узнать, не привёз ли я чего-нибудь нового, я показал ему «Церковь и государство». Он прочёл, пришёл в восторг и сказал, что это непременно надо издать.

Мне тоже этого хотелось, но я не решился бы это сделать, не получив на то разрешения Льва Николаевича. Василий Васильевич разрешил моё сомнение революционным путем. Он попросил у меня позволения переписать для себя. Я дал ему, полагая, что если Лев Николаевич так охотно и без всяких оговорок позволил мне увезти копию, то он не будет против того, чтобы кто-нибудь списал её у меня. Водовозов взял у меня копию и через несколько дней, возвратив мне её, вручил мне уже готовый, прекрасно изданный литографированный экземпляр, сказав, что статья эта имеет большой успех среди студенчества.

Я был смущён и, кажется, написал Льву Николаевичу об этом или сказал при следующем свидании, но он никакого внимания на это не обратил, и с моей души свалился тяжёлый камень ответственности за это подпольное издание, сделанное без его ведома, и притом такого произведения, которое он сам не предназначал для печати» (П. И. Бирюков, «Мои два греха» «Толстой. Памятники творчества и жизни», 3, редакция В. И. Срезневского, изд. «Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого»,

М. 1923, стр. 48—50).

Итак, мы видим, что статья "Церковь и государство", собственно говоря, как статья Толстым не готовилась: это лишь вариант к одной из частей его большого религиозно-реформаторского проекта, куда входили знаменитые "Исповедь", "В чём моя вера", "Соединение и перевод четырёх евангелий" и "Исследование догматического богословия". Самым погромным в отношении церковного лжехристианства "православия", острейше-нецензурным, но и самым трудным для читателя было и остаётся, конечно, "Исследование догматического богословия", для которого и готовился отрывок, волей судьбы ставший особенной статьёй Л.Н. Толстого.

Рассказ П. И. Бирюкова о происхождении статьи «Церковь и государство» вполне подтверждается перепиской Льва Николаевича. 23 октября 1886 г. Г. А. Русанов писал Толстому: «Мне пришлось как-то прочесть, кажется в «Новом времени», что в Петербурге ходит по рукам новое произведение ваше под заглавием «Государство и церковь». (Имелось в виду, очевидно, вышеупомянутое литографированное издание.) На это Толстой отвечал около 10 ноября 1886 г.: «Церковь и государство» есть мысли некоторые, набросанные мною. Переписчик озаглавил их и пустил в ход. Особенно нового и значительного в них ничего нет. Что будет, вам сообщу, если и это попадёт, пришлю вам» (Т. 63, стр. 406).

О том же писал Толстой В. Г. Черткову 11 июня 1903 г. Указав на то, что в издании «Свободного слова» статья «Церковь и государство» неверно датирована 1892 г., Толстой далее писал: «Она была написана вместе с Евангелиями [с работой Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий»]. Переписал же её и пустил в ход Александр Петрович гораздо позже. Я не думал её издавать и ни разу не перечёл её и ни слова не поправил в ней» (т. 88).

Но Толстой ошибался, говоря как в письме к Г. А. Русанову, так и устно П. И. Бирюкову, что заглавие статьи «Церковь и государство» дано переписчиком: заглавие это крупным и чётким почерком написано рукою автора наверху первой страницы сохранившейся рукописи этой статьи. Ошибкой Толстого является также и его утверждение, будто бы он ни разу не перечитал и совершенно не поправляя статью «Церковь и государство». Сохранилась копия статьи, просмотренная и исправленная Толстым. Забывчивость его в данном случае объясняется тем, что статья, против обыкновения, была просмотрена только один раз, и исправлений в ней было сделано сравнительно немного.

Статья «Церковь и государство» — не что иное, как развитие мыслей, записанных Толстым в Записной книжке в сентябре и октябре 1879 г.:

«Церковь, начиная с конца <т.е. с современной Л.Н. Толстому эпохи. - Р.А.> и до III века — ряд лжей, жестокостей, обманов» (30 сентября).

«Проповедовать правительству, чтобы оно освободило веру -- всё равно что

проповедовать мальчику, чтобы он не держал птицы, когда будет посыпать ей соли на хвост.

<Старинное суеверие, которым, по воспоминанию Льва Николаевича, обманывали и его в детстве: якобы птица, которой посыпали соли на хвост, уже сможет взлететь и может быть поймана. - Р.А.>

1) Вера, пока она вера, не может быть подчинена власти по существу своему, -- птица живая та, что летает.

2) Вера отрицает власть и правительство -- войны, казни, грабёж, воровство, а это всё сущность правительства. И потому правительству нельзя не желать насиловать веру. Если не насиловать -- птица улетит. Христианство насилувано при Константине *<Константин I Великий, ок. 285 - 337, римский император, придавший христианству характер государственной религии утверждавшейся им Византийской империи. - Р.А.>* -- при разделении Запада и Востока» (30 октября) (Т. 48, стр. 195 —196).

Близкие идеи появляются и в обращении Л.Н. Толстого "К духовенству". Истоки извращения христианства, самой возможности идеологического союза церковей и правительств, Л.Н. Толстой видит в забвении учениками истинного Божьего откровения о доброй и разумной жизни, истинного учения Христа, и лукавой (не без помощи лукавого-дьявола!) подмене его учением еврея Савла (в крещении Павла), человека грубо-суеверного, фанатичного и тщеславного, передавшего свои пороки и ЛЖЕхристианской церкви, берущей начало от созданной им и примазывавшейся к Христу секты. Далее ЛЖЕхристианство развивалось по линии антихристового союза с князьями и властителями мира сего, с богачами, рабовладельцами, попутно закрепляя не имеющие никакого отношения к Богу и Христу, его учению, его примеру земной жизни -- суеверные богословские "аксиомы": пресловутый "символ веры", ложь о "божественности", о "воскресении" Христа, о "богородице", иконопочитание, грубое колдовство обрядоведения, "богослужений"...

Так и пришло христианское культурное сообщество к кризисному состоянию, когда только по инерции да из соображений социоконформности люди воспитывают детей в тех суевериях, которым не верят сами, соблюдают внешнее богопочитание, но веры, истинной веры, мотивирующего помыслы и поступки религиозного отношения к бесконечной жизни, к Богу, к жизни временной земной, к окружающим -- не имеют... (Об этом подробно пишет Л.Н. Толстой в другой своей статье с "говорящим" длинным заглавием: "Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении").

Образ птицы, которой сыпят соли на хвост -- великолепен! Он встречается у Льва Николаевича ещё, по крайней мере, один раз: в фундаментальном религиозном слове к современникам и потомкам "Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание". Там речь идёт о насильнической и лживой сущности всяких правительств в лжехристианском мире, о невозможности посредством уговоров, конференций мира или международных арбитров унять их хищнические военные похоти, имманентные самой природе всякой государственной власти. В связи с этим

нельзя не провести некоторые сопоставления... Вот Толстого любят винить, в числе прочего, и в идейной подготовке большевистских гонений на церковь "православных". Так ВОТ ещё одно доказательство несправедливости таких мнений! Гонение от хищников, от неуёмных и неодолимых "посыпанием соли на хвост" князей мира сего и их слуг и смиренное принятие гонений от них, как и веротерпимость, -- естественное состояние ИСТИННОЙ христианской церкви, её членов. Правительства же и прислужники -- или используют извращённое, ослабленное, и оттого не противящееся их насилию "христианство" церковей (тех птиц, которым можно сыпать соль на хвост, а можно и не сыпать -- дадутся и так...), или уж -- как большевики -- без разбору жестоко расправляются и с церковными, и с истинными (независимыми, способными расправить крылья) христианами, с верой вообще. Цари, Сталин, Путин -- используют "православное" ЛЖЕхристианство, особо на соль не тратясь. Толстой же в образе птицы, которой нельзя сыпать соли на хвост (ибо настоящая, живая птица -- улетит!..) подразумевал не мёртвые формы "церквей", а -- живое, истинное христианство, разумное религиозное понимание жизни, опирающееся на учение и пример земной жизни Христа и бесконечно совершенствующееся, открывающееся всё новыми, высшими идеалами, по мере уяснения истины и совершенствования в разумности и добре, не только христианскому человечеству в целом, но и каждому человеку в отдельности.

Можно думать, что написание статьи «Церковь и государство» относится к ноябрю — декабрю 1879 г. Для датировки статьи имеет значение упоминание в черновой редакции об обер-прокуроре Синода, графе Д. А. Толстом. Это не даёт возможности датировать статью позднее апреля 1880 г., так как 24 апреля 1880 г. на место Д. А. Толстого обер-прокурором синода был назначен К. П. Победоносцев.

Статья «Церковь и государство» впервые появилась в Берлине в издании Кассирер и Данцигер без обозначения года; предисловие издателей подписано 29 января 1891 г. Статья была напечатана крайне неряшливо; не только были искажены отдельные слова, но и пропущены целые фразы. Возможно, что статья набиралась по неисправной копии. Затем статья была напечатана по более исправной копии в томе десятом «Полного собрания сочинений запрещенных в России» Л. Н. Толстого, изд. «Свободного слова», Christchurch, 1904, стр. 1—13.

В России статья впервые появилась в издании «Обновление», № 8, СПб. 1906; затем была переиздана издательством «Благая весть» (№ 12) в Самаре в 1918 г.

В вышедшие до Полного (юбилейного) собрания сочинений Толстого статья не включалась.

(По изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90-та тт.
Том 23. – С. 475 - 483)

ЦЕРКОВЬ



ГОСУДАРСТВО

Вера есть смысл, даваемый жизни, есть то, что даёт силу, направление жизни. Каждый живущий человек находит этот смысл и живёт на основании его. Если не нашёл, — то он умирает. В искании этом человек пользуется всем тем, что выработало всё человечество. Всё это, выработанное человечеством, называется откровением. Откровение есть то, что помогает человеку понять смысл жизни. Вот отношение человека к вере.

Что ж за удивительная вещь? Являются люди, которые из кожи лезут вон для того, чтобы другие люди пользовались непременно этой, а не той формой откровения. Не могут быть покойны, пока другие не примут их, именно их форму откровения, проклинаят, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Другие делают то же самое — проклинаят, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Третьи — то же самое. И так все друг друга проклинаят, казнят, убивают, требуя, чтобы все верили, как они. И выходит, что их сотни вер, и все проклинаят, казнят, убивают друг друга.

Я сначала был поражён тем, как такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противоречие не уничтожит самую веру? Как могли оставаться люди верующие в этом обмане?

И действительно, с общей точки зрения это непостижимо и неотразимо доказывает, что всякая вера есть обман, и что всё это суеверия, что и доказывает царствующая теперь философия. Глядя с общей точки зрения, и я неотразимо пришёл к признанию того, что все

веры — обманы людские, но я не мог не остановиться на соображении о том, что самая глупость обмана, очевидность его и вместе с тем то, что всё-таки всё человечество поддается ему, что это самое показывает, что в основе этого обмана лежит что-то необманчивое. Иначе всё так глупо, что нельзя обманываться. Даже эта общая всему человечеству, истинно живущему, поддача себя под обман заставила меня признать важность того явления, которое служит причиной обмана. И вследствие этого убеждения я стал

475

разбирать учение христианское, служащее основой обману всего христианского человечества.

Так выходит с общей точки зрения; но с личной точки зрения, с той, вследствие которой каждый человек и я, для того чтобы жить, должен иметь веру в смысл жизни и имеет эту веру, — это явление насилия в деле веры ещё более поразительно своей бессмыслицей.

В самом деле, как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедывал бы свою веру так же, как я? Человек живёт, стало быть, знает смысл жизни. Он установил своё отношение к Богу, он знает истину истин, и я знаю истину истин. Выражение их может быть различно (сущность должна быть одна и та же — мы оба люди). Как, зачем, что может меня заставить требовать от кого бы то ни было, чтобы он выражал свою истину непременно так, как я?

Заставить человека изменить свою веру я не могу ни насилием, ни хитростью, ни обманом (ложные чудеса).

Вера есть его жизнь. Как же я могу отнять у него его веру и дать ему другую? Это всё равно, что вынуть из него сердце и вставить ему другое. Я могу сделать это только тогда, когда вера и моя, и его — слова, а не то, чем он

живет, — нарост, а не сердце. Этого нельзя сделать и потому, что нельзя обмануть или заставить верить человека в то, во что он не верит и нельзя потому, что тот, кто верит, — т. е. установил свои отношения с Богом и потому знает, что вера есть отношение человека к Богу, — не может желать установить отношения другого человека с Богом посредством насилия или обмана. Это невозможно, но это делается, делалось везде и всегда; т. е. делаться это не могло, потому что это невозможно, но делалось и делается что-то такое, что очень похоже на это; делалось и делается то, что люди навязывают другим подобие веры, и другие принимают это подобие веры, — подобие веры, т. е. обман веры.

Вера не может себя навязывать и не может быть принимаема ради чего-нибудь: насилия, обмана или выгоды; а потому это не вера, а обман веры. И этот-то обман веры есть старое условие жизни человечества.

В чём же состоит этот обман и на чём он основан? Чем вызван для обманывающих и чем держится для обманутых?

Не буду говорить о браминизме, буддизме, конфуцианстве, магометанстве, в которых были те же явления, не потому, чтобы невозможно было и здесь найти то же. Для каждого, читавшего об этих религиях, будет ясно, что то же совершалось и в тех верах, что и в христианстве; но буду говорить исключительно о христианстве, как о вере нам известной, нам нужной и дорогой. В христианстве весь обман построен на фантастическом понятии церкви, ни на чем не основанном и поражаю-

476

шем с начала изучения христианства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей.

Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова

более безбожного, чем понятие церкви. Нет понятия, породившего больше зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви.

В сущности слово *экклезия* значит собрание и больше ничего и так употреблено в Евангелиях. В языках всех народов слово *экклезия* означает дом молитвы. Дальше этих значений, несмотря на 1500-летнее существование обмана церкви, слово это не проникло ни в какой язык. По определениям, которые дают этому слову те жрецы, которым нужен обман церкви, оно выходит не что иное, как предисловие, говорящее: всё, что я теперь буду говорить, всё истина, и если не поверишь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятие это есть софизм, нужный для некоторых диалектических целей, и остается достоянием тех, которым оно нужно. В народе, не только в народе, а в обществе и в среде образованных людей, несмотря на то, что этому учат в катехизисах, понятия этого нет совсем.

Определение это (как ни совестно серьезно разбирать его, надо это сделать, потому что столько людей так серьезно выдают его за что-то важное) — определение это совершенно ложно. Когда говорят, что церковь есть собрание истинно верующих, то собственно ничего не говорят (не говоря уж о фантастических мертвых), потому что если я скажу, что капелла есть собрание всех истинных музыкантов, то я ничего не сказал, если не сказал, что я называю истинными музыкантами. По богословию же оказывается, что истинно верующие — те, которые следуют учению церкви, т. е. находятся в церкви. Не говоря уже о том, что истинных таких вер сотни, определение ничего не говорит и, казалось бы, даже бесполезно, как определение капеллы собранием истинных музыкантов; но тотчас же за этим виднеется конец ушка. Церковь истинна и едина, и в ней пастыри и паства; и пастыри, Богом установленные, учат этому истинному и единому учению, т. е.: «Ей-Богу, всё, что мы будем говорить, всё истинная правда». Больше ничего нет. Обман весь в этом,

в слове и понятии церкви. И смысл этого обмана только тот, что есть люди, которым без памяти хочется учить других своей вере.

Для чего же им так хочется учить своей вере других людей? Если бы у них была истинная вера, они бы знали, что вера есть смысл жизни, отношение с Богом, устанавливаемое каждым человеком, и что потому нельзя учить вере, а только обману веры. Но они хотят учить. Для чего? Самый простой ответ был бы тот, что попу нужны лепёшки и яйца, архиерею — дворец, кулебяка и шёлковая ряса. Но этот ответ недостаточен.

Таков, без сомнения, внутренний, психологический повод

477

к обману, повод, поддерживающий обман. Но как, разбирая, каким образом мог один человек (палач) решиться убивать, другого человека, против которого он не имеет никакой злобы, было бы недостаточно сказать, что палач убивает потому, что ему дают водки, калачи и красную рубаху, точно так же недостаточно сказать, что киевский митрополит с монахами набивает соломой мешки, называя их мощами угодников, только для того, чтобы иметь 30 тысяч дохода. И то, и другое действие слишком ужасно и противно человеческой природе для того, чтобы такое простое, грубое объяснение могло быть достаточно. Как палач, так и митрополит, объясняя свой поступок, приведут целый ряд доказательств, которых главная основа будет историческое предание. «Человека надо казнить. Казнили с тех пор, как свет стоит. Не я, так другой. Я сделаю это, надеюсь, с божьей помощью, лучше, чем другой». Так же скажет митрополит: «Внешнее богопочитание нужно. С тех пор, как свет стоит, почитали мощи угодников. Пещерные мощи почитают, ходят сюда.

Не я, так другой будет хозяйничать над ними. Я, с Божьей помощью, надеюсь богоугоднее употребить эти деньги, вырученные кощунственным обманом».

Чтобы понять обман веры, надо пойти к его началу и источнику. Мы говорим о том, что знаем о христианстве. Обратясь к началу христианского учения, в Евангелиях мы находим учение, прямо исключаящее внешнее богопочитание, осуждающее его и в особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но от времени Христа, приближаясь к нашему времени, мы находим отклонение учения от этих основ, положенных Христом. Отклонение это начинается со времён апостолов, особенно охотника до учительства Павла; и чем дальше распространяется христианство, тем больше и больше оно отклоняется и усваивает себе приёмы того самого внешнего богопочитания и учительства, отрицание которого так положительно выражено Христом. Но в первые времена христианства понятие церкви употребляется только как представление о всех тех разделяющих то верование, которое я считаю истинным, — понятие совершенно верное, если оно не включает в себя выражение верований словами, но всей жизнью, так как верование не может быть выражено словами.

Употреблялось ещё понятие истинной церкви, как довод против разногласящих, но до царя Константина и Никейского собора церковь есть только понятие, со времени же царя Константина и Никейского собора церковь становится делом, и делом обмана. Начинается тот обман митрополитов с мощами, попов с евхаристиею, Иверских, синодов и т. п., которые так поражают и ужасают нас и не находят достаточного объяснения, по своему безобразию, в одной выгоде этих лиц. Обман этот старый, и он начался не из одних выгод частных лиц. Нет такого человека изверга, который бы решился это делать,

если бы он был первый и если бы не было других причин. Причины, приведшие к этому, были недобрые. «По плодам узнаете их». Начало было зло — ненависть, человеческая гордость, вражда против Ария и других; и другое, ещё большее зло — соединение христиан с властью. Власть — Константин царь, по языческим понятиям стоящий на высоте величия человеческого, (их причитали к богам), принимает христианство, подаёт пример всему народу, обращает народ и подаёт руку помощи против еретиков и уставляет посредством вселенского собора единую правую христианскую веру.

Христианская католическая вера установлена навсегда. Так естественно было поддаться на этот обман, и до сих пор ещё так верят в спасительность этого события.

А это было то событие, где большинство христиан отреклось от своей веры; это были те росстани, где огромное большинство пошло с христианским именем по языческой дороге и идёт до сих пор. Карл великий, Владимир продолжают та же. И обман церкви идёт до сих пор, обман, состоящий в том, что принятие властью христианства нужно для тех, которые понимают букву, а не дух христианства, потому что принятие христианства без отречения от власти есть насмешка над христианством и извращение его.

Освящение власти государственной христианством есть кощунство, есть погибель христианства. Проживя 1500 лет под этим кощунственным союзом мнимого христианства с государством, надо сделать большое усилие, чтобы забыть все сложные софизмы, которыми 1500 лет, везде в угоду власти, изуродовав всё учение Христа, чтобы оно могло ужиться с государством, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христианским. В сущности же слова, «христианское государство» есть то же, что слова: тёплый, горячий лёд. Или нет государства, или нет христианства.

Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть все те фантазии, в которых мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать, о значении тех наук исторических и юридических, которым нас учат. Основ эти науки не имеют никаких. Все эти науки не что иное, как апология насилия.

Пропустив истории персов, мидян и т. д., возьмём историю, того государства, которое первое составило союз с христианством.

Было разбойничье гнездо в Риме; оно разрослось грабительством, насилием, убийством; оно завладело народами. Разбойники и потомки их, с атаманами, которых называли то Кесарем, то Августом, во главе, — грабили и мучили народы, для удовлетворения своих похотей. Один из наследников этих разбойничьих атаманов, Константин, начитавшись книг и пресытившись похотной жизнью, предпочёл некоторые догматы христианства прежним верованиям. Принесению людских

479

жертв он предпочёл обедню, почитанию Аполлона, Венеры и Зевса он предпочёл единого Бога с сыном Христом и велел ввести эту веру между теми, которых он держал под своей властью.

«Цари властвуют над народами, между вами да не будет так. Не убей, не прелюбодействуй, не имей богатств, не суди, не присуждай. Терпи зло». Всего этого никто не сказал ему. «А ты хочешь называться христианином и продолжать быть атаманом разбойников, бить, жечь, воевать, блудить, казнить, роскошествовать? Можно».

И они устроили ему христианство. И устроили очень покойно, даже так, что и нельзя было ожидать. Они предвидели, что, прочтя Евангелие, он может хватиться, что там требуется всё это, т. е. жизнь христианская, кроме

построения храмов и хождения в них. Они предвидели это и внимательно устроили ему такое христианство, что он мог, не стесняясь, жить по-старому, по-язычески. С одной стороны — Христос, сын Бога, затем только и приходил, чтобы его и всех искупить. Оттого, что Христос умер, Константин может жить, как хочет. А этого мало — можно покаяться и проглотить кусочек хлеба с вином, это будет спасенье, и всё простится. Мало того, — они ещё его власть разбойничью освятили и сказали, что она от Бога, и помазали его маслом. Зато и он им устроил, как они хотели — собрание попов, и велел сказать, какое должно быть отношение каждого человека к Богу, и каждому человеку велел так повторять.

И все стали довольны, и вот 1500 лет эта самая вера живет на свете, и другие разбойничьи атаманы ввели её, и все они помазаны, и все, все от Бога. Если какой злодей пограбит всех, побьёт много народа, его они помажут — он от Бога. У нас мужеубийца, блудница была от Бога, у французов — Наполеон. А попы зато — не только уж от бога, но почти сами боги, потому что в них сидит дух святой. И в папе, и в нашем синоде с его командирами чиновниками.

И как какой помазанник, т. е. атаман разбойников, захочет побить чужой и свой народ, — сейчас ему сделают святой воды, покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить.

И всё бы хорошо, да не умели и тут согласиться и стали помазанники друг друга называть разбойниками (то, что они и есть), и стали попы друг друга называть обманщиками (то, что они и есть); а народ стал прислушиваться и перестал верить и в помазанников, и в хранителей св. духа, а выучился у них же называть их, как следует и как они сами себя называют, т. е. разбойниками и обманщиками.

Но о разбойниках только пришлось к слову, потому что

они развратили обманщиков. Речь же об обманщиках, мнимых

480

христианах. Такими они сделались от соединения с разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли с дороги с той первой минуты, как освятили первого царя и уверили его, что он своим насилием может помочь вере, — вере о смирении, самоотвержении и терпении обид. Вся история настоящей церкви, не фантастической, т. е. история иерархии под властью царей есть ряд тщетных попыток этой несчастной иерархии сохранить истину учения, проповедуя её ложью и на деле отступая от неё. Значение иерархии основано только на учении, которому она хочет учить. Учение говорит о смирении, самоотречении, любви, нищете; но учение проповедуется насилием и злом.

Для того, чтобы иерархии было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отрекаться от учения, но для того, чтобы очистить себя и свою незаконную связь с властью, нужно всякими ухищрённейшими соображениями скрыть сущность учения. А для этого нужно перенести центр тяжести учения не на сущность учения, а на внешнюю сторону его. И это самое делает иерархия.

Так вот: источник того обмана веры, который проповедуется церковью, источник его есть соединение иерархии, под именем церкви, с властью — насилием. Источник же того, что люди хотят научить других людей вере, в том, что истинная вера обличает их самих и им нужно вместо истинной веры подставить свою вымышленную, которая бы их оправдывала.

Истинная вера везде может быть, только не там, где она явно насилующая, — не в государственной вере. Истинная вера может быть во всех так называемых расколах,

ересях, но наверное не может быть только там, где она соединилась с государством. Странно сказать, но название «православная, католическая, протестантская» вера, как эти слова установились в обыкновенной речи, значат не что иное, как вера, соединённая с властью, т. е. государственная вера и потому ложная.

Понятие церкви, т. е. единомыслия многих, большинства, и вместе с тем близость к источнику учения в первые два века христианства, был только один из плохих внешних доводов. Павел говорил: «я знаю от самого Христа». Другой говорил: «я знаю от Луки». И все говорили: мы думаем верно, и доказательство того, что мы верно думаем, то, что нас большое собрание, экклезия, церковь. Но только с собора в Никее, устроенного царём, начался — для части исповедующих одно и то же учение — прямой и осязательный обман. «Изволися нам и св. духу», — стали говорить тогда. Понятие церкви стало уже не только плохой аргумент, а стало для некоторых власть. Оно соединилось с властью и стало действовать, как власть. И всё то, что соединилось с властью и подпало ей, перестало быть верой, а стало обманом.

481

Чему учит христианство, понимая его как учение какой бы то ни было церкви или всех церквей?

Как хотите разбирайте, смешивая или подразделяя, но тотчас же всё учение христианское распадётся на два резкие отдела: учение о догматах, начиная с божественности сына, духа, отношения этих лиц, до евхаристии, с вином или без вина, пресного или кислого хлеба, — и на нравственное учение смирения, нестяжательности, чистоты телесной, семейной, неосуждения и освобождения от неволи уз, миролюбия. Как ни старались учителя церкви смешать эти две стороны

учения, они никогда не смешивались, и как масло от воды, всегда были врозь — каплями большими и малыми.

Различие этих двух сторон учения ясно для каждого, и каждый может проследить плоды той и другой стороны учения в жизни народов, и по этим плодам может заключить о том, какая сторона более важна и, если можно сказать, более истинна, то какая более истинна? Посмотришь на историю христианства с этой стороны — и ужас нападёт на тебя. Без исключения с самого начала и до самого конца, до нас, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догмат, хоть с самого начала — догмат божественности Христа — и до сложения перстов, до причастия с вином или без вина, — плоды всех этих умственных трудов на разъяснение догматов: злоба, ненависть, казни, изгнания, побоища жён и детей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону — нравственного учения, от удаления в пустыню для общения с Богом до обычая подавать калачи в острог, и плоды этого — все наши понятия добра, всё то радостное, утешительное, служащее нам светочем в истории.

Заблуждаться тем, перед глазами которых не выразились ясно ещё плоды того и другого, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тем, которые искренно вовлечены были в эти споры о догматах, не заметив того, что они этими догматами служат дьяволу, а не Богу, не заметив того, что Христос прямо говорил, что он пришёл разрушить все догматы; можно было заблуждаться и тем, которые, унаследовав предания важности этих догматов, получили такое превратное воспитание умственное, что не могут видеть своей ошибки; можно и тем темным людям, для которых догматы эти не представляют ничего, кроме слов или фантастических представлений, но нам, для которых открыт первый смысл Евангелия, отрицающего всякие догматы, нам, имеющим перед глазами плоды в истории этих догматов, нам нельзя уж ошибаться. История для нас — проверка истинности учения, проверка даже

механическая.

Догмат непорочного зачатия богородицы — нужен он или нет? Что от него произошло? Злоба, ругательства, насмешки. А польза была? Никакой. Учение о том, что не надо казнить

482

блудницу, нужно или нет? Что от него произошло? Тысячи и тысячи раз люди были смягчены этим напоминанием.

Другое: в догматах каких бы то ни было все согласны? — Нет. — В том, чтобы просящему дать? — Все.

И вот первое — догматы, в чём никто не согласен, что никому не нужно, что губит людей, это-то иерархия выдавала и выдаёт за веру; а второе, то, в чём все согласны, что всем нужно и что спасает людей, этого, хотя и не смела отрицать иерархия, но не смела и выставить, как учение, ибо это учение отрицало её самоё.

«ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО»

Об обстоятельствах, при которых была написана и получила распространение эта статья, П. И. Бирюков рассказывает следующее.

В одно из своих посещений Ясной Поляны, в 1885 или 1886 г., он остался один в кабинете Толстого и стал рассматривать книги, лежавшие на полках. «На нижних полках под книгами лежали рукописи. Я запустил туда руку и вытащил несколько тетрадей... Порывшись, немного, я вытащил одну тетрадь, представляющую нечто цельное, это было несколько листов бумаги большого формата, мелко исписанных почерком не Льва Николаевича, и сверху была белая, в обыкновенный лист писчей бумаги, обложка, и на ней надпись: «Церковь и государство». Название заинтересовало меня; я присел к столу и стал читать. Я прочёл всю статью залпом и пришел в восторг. Она начиналась так: «Было разбойничье гнездо в Риме — это двор Константина»; затем в этой статье цари назывались разбойниками, а попы — обманщиками. Это вполне соответствовало моему тогдашнему настроению. Я немедленно же принялся переписывать, и скоро копия была готова.

В кабинет зашёл Лев Николаевич и спросил, что я делаю; я указал ему на рукопись и сказал, что мне она очень понравилась. Он посмотрел и равнодушным тоном, как о деле его мало интересующем, сказал: «Ах, это сочинение Александра Петровича». Это меня озадачило, и я стал добиваться разъяснения. Оказалось, что это Лев Николаевич сказал шутя, это были его черновые наброски, Александр Петрович Иванов, переписчик, переписал их и сам дал заглавие: «Церковь и государство»; поэтому Лев Николаевич и назвал это сочинением Александра Петровича.

Эта статья представляет неоконченный вариант, вероятно, времени писания «Критики догматического богословия», и была брошена Львом Николаевичем без

внимания. Хотя статья была уже переписана мною, я всё-таки попросил у Льва Николаевича позволения увезти с собой копию, на что он охотно согласился, не придавая никакого значения как самой статье, так и копированию её.

Я увёз с собой копию, а самую статью положил на прежнее место и не знаю, где она теперь находится. Копию я привёз в Петербург, в «Посред-

564

ник». Нас посещали студенты из разных революционных кружков. Одним из них был студент Василий Васильевич Водовозов. Он усердно занимался в университете литографированием лекций. Я думаю, что это занятие его привлекало главным образом тем, что этим путём ему удавалось литографировать запрещённые революционные сочинения. Так как новые религиозно-философские произведения Льва Николаевича были запрещены, то он занялся изданием и этих произведений, хотя и не был согласен с ними. Таким образом, он издал «Исповедь», «Краткое Евангелие», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?». Я снабжал его оригиналами, получая их от Владимира Григорьевича Черткова.

Когда Василий Васильевич зашёл ко мне по моём возвращении из Ясной, чтобы узнать, не привёз ли я чего-нибудь нового, я показал ему «Церковь и государство». Он прочёл, пришёл в восторг и сказал, что это непременно надо издать.

Мне тоже этого хотелось, но я не решился бы это сделать, не получив на то разрешения Льва Николаевича. Василий Васильевич разрешил моё сомнение революционным путем. Он попросил у меня позволения переписать для себя. Я дал ему, полагая, что если Лев Николаевич так охотно и без всяких оговорок позволил

мне увезти копию, то он не будет против того, чтобы кто-нибудь списал её у меня. Водовозов взял у меня копию и через несколько дней, возвратив мне её, вручил мне уже готовый, прекрасно изданный литографированный экземпляр, сказав, что статья эта имеет большой успех среди студенчества.

Я был смущён и, кажется, написал Льву Николаевичу об этом или сказал при следующем свидании, но он никакого внимания на это не обратил, и с моей души свалился тяжёлый камень ответственности за это подпольное издание, сделанное без его ведома, и притом такого произведения, которое он сам не предназначал для печати» (П. И. Бирюков, «Мои два греха» «Толстой. Памятники творчества и жизни», 3, редакция В. И. Срезневского, изд. «Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого», М. 1923, стр. 48—50).

Рассказ П. И. Бирюкова о происхождении статьи «Церковь и государство» вполне подтверждается перепиской Толстого. 23 октября 1886 г. Г. А. Русанов писал Толстому: «Мне пришлось как-то прочесть, кажется в «Новом времени», что в Петербурге ходит по рукам новое произведение ваше под заглавием «Государство и церковь». (Имелось в виду, очевидно, вышеупомянутое литографированное издание.) На это Толстой отвечал около 10 ноября 1886 г.: «Церковь и государство» есть мысли некоторые, набросанные мною. Переписчик озаглавил их и пустил в ход. Особенно нового и значительного в них ничего нет. Что будет, вам сообщу, если и это попадётся, пришлю вам» (Т. 63, стр. 406).

О том же писал Толстой В. Г. Черткову 11 июня 1903 г. Указав на то, что в издании «Свободного слова» статья «Церковь и государство» неверно датирована 1892 г., Толстой далее писал: «Она была написана вместе с Евангелиями [с работой Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий»]. Переписал же её и пустил в ход Александр Петрович гораздо позже. Я не думал её

издавать и ни разу не перечёл её и ни слова не поправил в ней» (т. 88).

565

Но Толстой ошибался, говоря как в письме к Г. А. Русанову, так и устно П. И. Бирюкову, что заглавие статьи «Церковь и государство» дано переписчиком: заглавие это крупным и чётким почерком написано рукою автора наверху первой страницы сохранившейся рукописи этой статьи. Ошибкой Толстого является также и его утверждение, будто бы он ни разу не перечитал и совершенно не поправлял статью «Церковь и государство». Сохранилась копия статьи, просмотренная и исправленная Толстым. Забывчивость его в данном случае объясняется тем, что статья, против обыкновения, была просмотрена только один раз, и исправлений в ней было сделано сравнительно немного.

Статья «Церковь и государство» — не что иное, как развитие мыслей, записанных Толстым в Записной книжке в сентябре и октябре 1879 г. : «Церковь, начиная с конца и до III века — ряд лжей, жестокостей, обманов» (30 сентября). «Вера отрицает власть и правительство — войны, казни, грабёж, воровство, а это всё сущность правительства. И потому правительству нельзя не желать насиловать веру... Христианство насилувано при Константине — при разделении Запада и Востока. Лютеранство, кальвинизм, англиканство — всё не вера, а форма насилия. Истинны только угнетённые павликиане, донаты, богомилы и т. п.» (30 октября) (Т. 48, стр. 195 — 196).

Можно думать, что написание статьи «Церковь и государство» относится к ноябрю — декабрю 1879 г. Во всяком случае статья написана до начала не только писания «Исследования догматического богословия», но

даже и изучения разбираемого. Толстым в этой книге сочинения митр. Макария «Православно-догматическое богословие». Думаем так потому, что там, где идёт речь об определении понятия «церковь», находим заметку автора: «Опр[еделение] из Ист[ории] ц[еркви], из кат[ехизиса], из кат[олической] ист[ории] церкви», после чего в рукописи проставлена строка точек. О книге Макария здесь не упомянуто, чего не могло бы быть, если бы статья писалась после такого основательного изучения этой книги, какое было сделано Толстым. На то же указывает и архаический термин «богословия» (именительный падеж), употреблённый Толстым в черновой редакции статьи, тогда как после изучения книги Макария он, вслед за этим писателем, писал уже не «богословия», а «богословие».

Для датировки статьи имеет значение также и упоминание в черновой редакции об обер-прокуроре Синода, графе Д. А. Толстом. Это не даёт возможности датировать статью позднее апреля 1880 г., так как 24 апреля 1880 г. на место Д. А. Толстого обер-прокурором синода был назначен К. П. Победоносцев.

Статья «Церковь и государство» впервые появилась в Берлине в издании Кассирер и Данцигер без обозначения года; предисловие издателей подписано 29 января .1891 г. Статья была напечатана крайне неряшливо; не только были искажены отдельные слова, но и пропущены целые фразы. Возможно, что статья набиралась по неисправной копии. Затем статья была напечатана по более исправной копии в томе десятом «Полного собрания сочинений запрещенных в России» Л. Н. Толстого, изд. «Свободного слова», Christchurch, 1904, стр. 1—13.

В России статья впервые появилась в издании «Обновление», № 8, СПб. 1906; затем была переиздана издательством «Благая весть» (№ 12) в Самаре в 1918 г.

В вышедшие до Полного (юбилейного) собрания сочинений Толстого статья не включалась.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к статье «Церковь и государство».

Автограф. 12 л. 4°, исписанных с обеих сторон, за исключением л. 8 и 10, исписанных с одной стороны. Начало: «Вера есть смысл, даваемый жизни»; конец: «В том, чтобы просящему дать? — Все».

Неполная копия статьи рукою А. П. Иванова. 22 л. 4°, исписанных с одной стороны и нумерованных переписчиком по сложенным пополам листам писчей бумаги (то есть так, что единица нумерации соответствует двум листам 4°) цифрами 10—20. Первые 18 л. (по нумерации переписчика л. 1—9) отсутствуют. Начало: «Христианская католическая вера»; конец: «это учение отрицало ее самое». Первая половина л. 15 разрезана на две части. Толстым сделаны исправления на некоторых листах и приписан заключительный абзац.

Печатаем статью «Церковь и государство» с начала до слов «Христианская католическая вера» по первопечатному тексту издания 1891 г., с исправлением опечаток по автографу; со слов «Христианская католическая вера» до конца — по авторизованной копии.

Настоящее юбилейное издание
первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого
печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР
от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Редактор С. А. Розанова. Технический редактор Л. М. Сутина .

Корректор А. Н. Кашин

Сдано в набор 10/XI — 56 г. Подписано к печати 20/IV — 1057 г. Бумага 68 X
ЮОViв» 38,75 печ. л. 47,66 усл.-п. л. 36,5 уч.-тд. л. -} -1 вкл. = 36,58. Тираж
5000. Зак. 1666. Цена 18 р.

Гослитиздат, Москва, Б-66, Ново-Баоманная, 19

Министерство культуры СССР. Главное Управление полиграфической про-
мышленности, 2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького,
Ленинград, Гатчинская, 26